

А. А. Шинкаренко

Проблема организованной преступности в Перу на современном этапе

Аннотация: В статье рассматривается проблема организованной преступности в Перу в начале XXI в. и причины возникновения данного феномена. Затрагиваются проблемы наркотрафика, деятельности повстанческих групп, коррупции, насилия, а также совершенно новые формы преступлений, такие как кибермошенничество.

Ключевые слова: Перу, оргпреступность, наркотрафик, коррупция, насилие.

Alexander Shinkarenko

Problem of organized crime in Perú: contemporary phase

Abstract: The article deals with the problems of the organized crime in Perú and its causes. Are issued the problems of narcotrafic, corruption, violence and such new types of crime as ciberfraud.

Keywords: Perú, organized crime, narcotrafic, corruption, violence.

Alexander Shinkarenko

El problema de delincuencia organizada en Perú en la etapa actual

Resumen: En el artículo se analiza el problema de delincuencia organizada en Perú y las causas de surgimiento de este fenómeno. El autor estudia los problemas del narcotráfico, de grupos subversivos, de corrupción, violencia, así como tales nuevas formas criminales como ciberdelito.

Palabras clave: Perú, delincuencia organizada, narcotráfico, corrupción, violencia.

Проблема борьбы с организованной преступностью и обеспечения общественной безопасности становится всё более актуальной для жителей государств Андского субрегиона, каждое из которых обладает собственной спецификой. Согласно Стратегии национальной безопасности Перу (2005 г.), «появление новых вызовов безопасности инициирует возникновение многочисленных проблем комплексного характера, которые требуют многовекторного решения» [1, р.62]. При этом вызовы, стоящие на сегодняшний день перед перуанским государством, делятся в этом документе на две категории. В первую включены проблемы, связанные международным терроризмом, наркотрафиком и транснациональной организованной преступностью. Во вторую отнесены борьба с локальными проявлениями терроризма (повстанческими группами), проблемы оргпреступности, наркотрафика, коррупции и т. д. [1, р. 62–63.].

В опубликованном в 2013 г. докладе Latinobarómetro отмечается, что среди главных проблем безопасности, стоящих перед этим андским государством, 35 % перуанцев назвали организованную преступность. При этом на сегодняшний день в Перу становится наиболее заметен симбиоз наркобизнеса, оргпреступности и леворадикального терроризма, который создает угрозу управляемости в ряде регионов страны.

В этой связи одной из важнейших проблем стало расширение и укрепление наркобизнеса, который оказывает влияние буквально на все стороны жизни в стране. Ныне Перу является одним из главных производителей кокаина в Южной Америке, причём в процесс производства

наркотика вовлекается всё большее количество жителей сельских районов. Исторически ли-
стя кустарника коки традиционно использовались коренным населением Перу в самых раз-
личных целях: в качестве денежного эквивалента, в ритуальных церемониях, в медицинских
целях, для жевания, приготовления отваров и т. д.

Факторами, которые способствовали расширению незаконных посевов коки в Перу в конце XX в., были высокий уровень бедности среди жителей перуанского альтиплано (районы плоско-
горья, где сконцентрировано индейское население), а также устойчиво высокий спрос на этот наркотик на мировых рынках. В начале нового столетия рост нелегальных посадок стимулиро-
вала ситуация острого внутриполитического кризиса. Его следствием стало ослабление госу-
дарственного контроля за площадями нелегальных посевов, которые распространились прак-
тически по всей территории Верхней Уальяги [2]. Проблема наркобизнеса в Перу многократно
усугублялась ещё тем обстоятельством, что долина реки Уальяга (правый приток Мараньона)
в течение долгого времени испытывала на себе последствия активности леворадикальных ма-
оистских партизан из группировки «Сендеро Луминосо» (СЛ), ставивших во главу угла своей
деятельности предельную жестокость и бескомпромиссность. Тесно связанные между собой
наркодилеры и незаконные вооружённые формирования в 1980-е гг. были фактическими хо-
зяевами положения на обширной территории перуанской Амазонии. Леворадикальные боеви-
ки обеспечивали производителям коки полную «свободу предпринимательства», «закрывая»
целые районы от проникновения туда полиции и военных, а те в свою очередь обеспечивали
«наркопартизанам» регулярную финансовую подпитку.

Лидеры сендеристов никогда не скрывали хорошо налаженных связей с перуанским нар-
кобизнесом. Крестьяне регионов Аякучо, Хунин, Уанкавелика, Апуриамак, Сан-Мар-
тин и др., вовлеченные в культивацию кустарника, облагались ими 7 %-м «военным» налогом
[3, р. 118]. Отказ в его выплате приводил, как правило, к массовым репрессиям [4, р. 59]. Тактика
«народной войны», провозглашённая сендеристами, была типично террористической: её целью
было устрашение государства и общества, а применявшиеся для этого методы живо напомина-
ли собой те, которыми пользовались в своё время «красные кхмеры» [5]. Апеллируя к индейской
архаике древнего Перу, «сендеристы» зачастую сопровождали свои акты насилия инкскими ри-
туалами с отрезанием голов и конечностей [5, с. 257; 6, с. 155].

После введения в Перу в 1992 г. нового антитеррористического законодательства, которое
существенно расширило полномочия силовиков, деятельность «сендеристов» временно пошла
на убыль [7, с. 84], а поимка лидера организации, Абимаэля Гусмана Рейносо, привела к зна-
чительному сокращению числа их сторонников. Однако с приходом к власти президента Але-
ксандро Толедо (2001–2006 гг.) «Сендеро Луминосо» обрела «второе дыхание», создав в стране
сеть так называемых «народных школ», в которые за сравнительно небольшое вознаграждение
«сендеристы» рекрутировали индейских подростков [8]. Данный пример наглядно показывал,
что для успешной борьбы с терроризмом недостаточно одного только силового решения вопро-
са. Кроме того, оставление «за скобками» борьбы с террором порождающих его комплексных
причин, а также источников финансирования (доходы от наркотрафика) неизбежно приводит
к регенерации этого явления уже с новыми качествами. В 2007–2008 гг. объектами нападе-
ния боевиков стали рабочие нефтяных компаний и военные на блокпостах на р. Апуриамак [9].
В своих акциях сендеристы использовали стрелковое оружие Galil и MAG, а также РПГ-7, стоя-
щие на вооружении перуанской армии. Одной из наиболее «громких» акций боевиков стал об-
стрел ими в конце апреля 2009 г. вертолёта министра обороны Перу в районе Апуриамак-Эне [9].

Сочетая методы мобильной герильи с созданием в сельских районах страны «революцион-
ных опорных пунктов» [7, с. 83], боевики группировки обосновались в долинах рек Апуриамак,
Энэ и Мантаро. Лесистая местность этих районов находится на стыке провинции Уанкайо
с регионами Аякучо, Апуриамак и Куско, где у «сендеристов» давно сложились устойчивые свя-
зи с наркотрафикантами. По данным перуанских силовых ведомств, партизаны обеспечивают
безопасность логистической схемы наркотрафика: защищают «членников», когда те доставляют
кокаиновую пасту или кокаин через сельву, взимая за свои услуги «налог» в размере 3–5 долл. за
1 кг [10]. Всё это заставляет правительство постоянно увеличивать бюджет на проведение анти-
наркотических операций, сумма которых в 2007 г. составила около 200 млн долл. [11].

Наряду с активным участием в контрабанде наркотиков, сторонники СЛ в указанных райо-
нах продолжают совершать акции устрашения. Активисты группировки насилием принуждают
мужское население заниматься рабским трудом, захватывают девушек в сексуальное рабство,
заставляя их рожать детей, а после истечения фертильного возраста принуждают их заниматься

незаконной деятельностью. В июле 2015 г. полиция совместно с военными провела ряд операций, в результате которых из сендеристского рабства были освобождены 54 человека, из них 33 ребёнка. Одна из освобождённых женщин находилась в плена у сендеристов в течение 30 лет. По словам военного аналитика Петро Яранги, «Сендеро Луминосо» «всё ещё остается угрозой, а её боевики умело используют труднодоступный ландшафт Амазонии и гористой местности» [10]. В августе того же года во время совместной операции армии и полиции были арестованы Александр Аларкон Сото («товарищ Ренан») и Дионисио Рамос Лимакиспе («товарищ Юрий»), которые обвинялись в атаках на военные объекты, а также в вымогательстве денег у местных предпринимателей [10]. Активность «сендеристов» в Перу не только не сходит на нет, но и приобретает новые опасные черты.

В сложившихся обстоятельствах ключевыми задачами силовых ведомств страны являются, несомненно, подрыв финансовой базы СЛ и сокращение участия боевиков группировки в наркотрафике. Представители Секретариата по национальной обороне и безопасности (SEDENA) отмечают, что симбиоз наркоторговцев с партизанами остаётся главным дестабилизирующим фактором национальной безопасности [12]. По словам руководства DIRCOTE (Dirección contra el terrorismo), антитеррористического подразделения перуанской полиции, «операции против террористов закончатся лишь тогда, когда всех участников этих групп посадят в тюрьму». Однако обострение сложившейся ситуации вынуждает перуанские власти к принятию особых предventивных мер для борьбы с нависшей угрозой, прежде всего в плане нахождения тонкой грани между законной и незаконной деятельностью. Любопытно, что, начиная с середины 1990-х гг., колумбийские наркокартели участвовали в трафике на перуанском участке, включая каждый этап производства наркотика. Однако по мере интернационализации наркобизнеса в 2000-е гг., они отошли на второй план, уступив место мексиканским конкурентам (Тихуана, Синалоа, Хуарес и др.), которые для транспортировки используют морской путь [13, р. 12–13].

Согласно исследованию Национального института статистики и информации (INEI), перуанское законодательство разрешает легальные посевы коки для удовлетворения традиционного спроса, который в Перу составлял около 9 тыс. тонн, что, по подсчётом Национальной комиссии развития и жизни без наркотиков (DEVIDA), соответствует площади в 6 700 га [14, р. 27]. Выращенный на этих плантациях кустарник в основном идёт на производство кокаинового чая, а также используется в медицинских целях [15; 16, с. 71–72]. Коммерческое изготовление чая из листьев коки приобрело широкое распространение, и он свободно продаётся в таких андских государствах, как Перу, Боливия, Колумбия и Эквадор. В частности, на «тропе инков» (популярный туристический маршрут к достопримечательностям Мачу-Пикчу) гиды и туристы употребляют данный тонизирующий напиток для борьбы с симптомами «сороче» – высотной болезни. Проблема, однако, состоит в том, что на расчищенных участках амазонской сельвы появляются всё новые и новые обширные нелегальные посевы.

Культивирование коки не требует значительных затрат и приносит стабильный доход в стране с высоким уровнем бедности. Перуанский кокаин пользуется высоким спросом на внешних рынках, в первую очередь – в США. Выращивание кокаинового листа стало своеобразной нишней для социально исключённых – тех, кто не участвует в хозяйственной жизни страны [16, с. 71]. Увеличение посевов в тропической зоне Анд в последние годы объясняется не только удалённостью этих районов от центра, но и тем обстоятельством, что урожайность и качество листа коки в агроклиматических условиях Перу значительно выше аналогичных показателей в Колумбии и Боливии. В среднем перуанская кока плодоносит 3–5 раз в год, а урожай с одной плантации могут собираться в течение 20 лет. Наиболее благоприятный район для её возделывания – бассейн р. Уальяга, расположенной в восточной части страны.

Стоит подчеркнуть, что в целом борьба с наркотрафиком в Перу проводится по четырём направлениям: уничтожение посевов коки, запрет наркотрафика, внедрение программы альтернативного развития, пресечение «отмывания» денег от продажи наркотиков. Данные акции перуанских властей, в частности уничтожение посевов кустарника, воспринимаются людьми, вовлечёнными в этот процесс, как «репрессии», что обостряет социальные конфликты [17, р. 15]. Так, в 2010 г. общая площадь посевов коки составила 61 200 га в 47 провинциях страны; сюда входят как листья, используемые в наркопроизводстве, так и в традиционном употреблении. При этом цена за килограмм листьев составила 3,1 долл., а за кокаиновую пасту – 784 долл. Их них на долю Верхней Уальяги пришлось 13 025 га; Апуримак-Эне – 19 723 га; Ла-Конвенсьон и Ларес – 13 330 га; другие районы – 15 161 га [17, р. 6]. На данной территории проживает около 650 тыс. человек, что составляет 2,6 % от всего населения Перу [18,

р. 6]. Именно эти районы являются самыми неблагополучными по показателям бедности, уровень которой варьируется от 30 до 40 %. «Благами цивилизации» там по статистике пользуется лишь 40 % населения, из которых только 15 % проживает в условиях, соответствующих санитарным нормам [17, р. 46].

Однако по сравнению с показателями середины 1990-х гг., их общая численность остаётся довольно низкой. Самое значительное расширение нелегальных посевов, в сравнении с другими наркоСпроизводящими регионами, наблюдалось в районе Верхней Уальяги и Сан-Габана. Основная часть антинаркотических операций была сконцентрирована в северной и центральной частях долины Верхней Уальяги, которая хотя и являлась одной из крупнейших по посевам, тем не менее не превышала 30 % от общего числа всех площадей кустарника, имеющихся в стране. Это привело к тому, что резко возросли площади коки (до 50 %) в других регионах страны (долины Палькасус-Пичис-Пачитеа, Агуайтия и Сан-Габан) [17].

На сегодняшний день данный район Перу является одним из основных производителей кокаиновой пасты и гидрохлорида кокаина, откуда наркотики переправляются в Мексику, США и другие страны. В своей логистике перуанские наркодельцы широко используют водный транспорт, на котором высококачественный полуфабрикат по многочисленным притокам Амазонки доставляется к соседям, из-за чего часть перевалочных баз переместилась в районы Амазонской сельвы. При этом развитие наркоСпроизводства отрицательно оказывается на состоянии экологии и здоровье местных жителей тех районов, поскольку для повышения урожайности коки на плантациях активно используются различные виды пестицидов и гербицидов. По подсчётом экологов, расчистки под посевы наркосодержащих культур составляют на сегодняшний день около 10 % всех уничтоженных лесов верхней Амазонии. Не меньший вред наносит и применение дефолиантов, которые используются для уничтожения посадок коки с воздуха. Всё это приводит к акциям протеста со стороны коренного населения, выступающего против «перекосов» в антинаркотической стратегии государства. К тому же, помимо угрозы со стороны наркобизнеса, жители перуанской Амазонии сталкиваются с незаконной добычей полезных ископаемых, из-за которой к 2014 г. было уничтожено свыше 50 тыс. га лесного массива в Мадре-де-Дьос, а также с контрабандой драгоценных камней, ценных пород деревьев и экзотических животных, что дополнительно криминализирует и без того напряженную ситуацию [19]. На этом фоне нарастает миграция населения в соседние департаменты. Согласно данным министерства окружающей среды, с 2007 по 2014 гг. в районах перуанской Амазонии число людей, насильственно вовлеченных в эту сферу, превысило 100 тыс. человек [20]. Также показателен и тот факт, что за указанный выше период доходы от данного вида незаконной деятельности составили 3,400 млн долл. При этом, по словам юриста Дино Карлоса Каро, начиная с 2011 г. они, по крайней мере, на 500 млн долл. превысили доходы от наркографика.

В 2013 г. в Перу впервые наметилась тенденция к сокращению посевов коки до самых низких значений, по сравнению с серединой 1980-х гг. Площадь посевов кустарника в Перу сократилась на 18 % – с 60 400 до 49 800 га, хотя пока она всё ещё превышает аналогичные показатели соседней Колумбии [21, р. 50]. Уже в 2014 г. общие площади посевов коки составили 42 900 га, уменьшившись по отношению к показателям 2013 г. на 13,9 %. При этом цена за 1 кг листьев составила 4,3 долл., а за кокаиновую пасту – 843 долл. [22, р. 9]. Примечательно, что в результате борьбы с незаконными посевами резко сократились (63,9 %) его площади в традиционном производителе – районе Верхней Уальяги с 13 025 га (2010 г.) до 1 555 га (2014 г.) [22, р. 28]. В целом по стране в сравнении с 2012 г. (60 400 га) произошло сокращение посадок кустарника коки примерно на 30 % [22, р. 5]. Речь идёт не только о регионе Верхней Уальяге, где имелись традиционно высокие показатели выращивания коки, но и о долинах рек Апуримак, Энэ и Мантаро, где сконцентрирована основная активность «наркопартизан».

Кроме того, по данным DIRCOTE, начиная с января 2015 г., правоохранительные органы уничтожили 193 тайных аэродрома, с которых осуществлялись поставки наркотиков. Сокращение площадей, однако, не тождественно сокращению объёмов производимого кокаина, учитывая, что внедрение всё более прогрессивных селективных приёмов позволяет радикально повышать урожайность наркокультуры. Не удивительно, что к настоящему времени Перу сумело постепенно превратиться из страны – производителя наркотических средств в страну-потребителя. Теперь там, в добавок к традиционным для перуанцев «басуко» (кокаиновая паста) и кокайну, к которым у коренного населения в течение тысячелетнего потребления листьев коки выработался своеобразный иммунитет, появились синтетические наркотики – героин, крэк и т. д. [17]. Любопытно, что помимо традиционной логистики наркографика наметился

ещё один путь, используемый для поставок «крэка» и «окси» (слоговое название производной кокаиновой пасты, смешанной с серной кислотой и керосином) из регионов Мадре-де-Дьос и Пуно в Боливию, откуда вышеуказанные наркотики попадают в Бразилию [22, р. 24].

Следует также добавить, что на границе с Эквадором перуанские власти столкнулись с проблемой присутствия международных преступных группировок, занимающихся контрабандой оружия, незаконной добычей ископаемых, наркотрафиком, отмыванием денег и т. д. [23, р. 38]. С целью противодействия всем вышеуказанным вызовам, в 2012 г. Лима совместно с Эквадором и Колумбией сформировала Комиссию по границе (COMBIFRON), в рамках которых предполагается не только обмен разведанными о приграничных районах и активности наркотрафикантов, но и строительство катеров для патрулирования общей акватории [23, р. 77–78].

Отвечая на вопрос, «может ли правительство справиться с главными проблемами, стоящими перед обществом», отрицательный ответ дали 63 % перуанцев («да» ответили лишь 31 %). По свидетельству специалистов компании Ipsos Aroyo, которая занимается опросами общественного мнения, «необходимость чувствовать себя защищённым» находится в Перу на первом месте, потеснив проблему борьбы с коррупцией и безработицей [24]. По мнению респондентов, проблема роста оргпреступности, включающей в себя наркотрафик, терроризм и уличный бандитизм, стала главной для президента Ольянты Умалы [24], рейтинг которого в сентябре 2015 г., согласно опросам *Pulso Perú*, составил 18 % [25]. Организованная преступность и проблема общественной безопасности лидировали по значимости (77 %), опередив проблемы, связанные с коррупцией (44 %), экономической ситуацией (30 %) и безработицей (28 %) [26].

Несмотря на то, что число убийств в Перу пока остаётся одним из самых низких в Латинской Америке, остановившись на отметке 9,6 на каждые 100 тыс. человек, до подлинного «благополучия» здесь ещё очень далеко. С 2005 по 2009 гг. количество случаев сексуального насилия в этой стране возросло на 13 % по отношению к показателю предыдущих пяти лет. Столица Лима стала одним из самых опасных городов в Латинской Америке, где ограбление среди бела дня, а также множество заказных убийств стали привычным явлением. Парадоксально, но рост преступности совпал с годами экономического роста и относительного материального благополучия. Как признал экс-министр внутренних дел Ино Коста, наивысшие показатели роста преступности демонстрировали как раз те регионы, которые отличались наиболее высокими экономическими показателями, в частности регионы Ламбаеке, Ика и Пьюра. В самой Лиме наиболее опасными районами были Эль-Римак и Ла-Виктория, далее следовала пригородная зона Кальяо [27].

Необходимо признать, что в этой стране существуют факторы, которые способны уже в ближайшее время радикально изменить ситуацию с преступностью в худшую сторону. Это всё ещё сохраняющийся, несмотря на экономические успехи последних лет, высокий уровень экономического неравенства. Необходимо учитывать и наличие на руках у людей разнообразного огнестрельного оружия. Некоторые преступные группировки вооружены оружием, которое нельзя приобрести в свободной продаже, в частности взрывчаткой и даже снарядами для штурмовых орудий. Это, с одной стороны, свидетельствует о фактах налаженной контрабанды оружия из-за рубежа, а с другой – о коррумпированности местных правоохранительных органов. К тому же в перуанские преступные группировки, которые выбирают себе вычурные, «привлекательные» названия вроде «Черные крыши», «Неприкасаемые с севера» и т. д., активно вовлекается молодёжь. Многие несовершеннолетние перуанцы пополняют ряды так называемых сикариос – наёмных убийц, практикующих вымогательство крупных сумм у предпринимателей.

С целью противостоять вызову со стороны оргпреступности правительство Перу в 2000 г. подписало Конвенцию ООН о борьбе с транснациональной организованной преступностью, а также все протоколы к ней¹. Конкретные меры, предпринимаемые в этом направлении, однако, пока мало чем отличаются от аналогичных, предпринимаемых в других странах. Так, для борьбы с преступностью в Лиме полиция Перу в ноябре 2015 г. создала «эскадрон быстрого реагирования» (ЕМИР) [28], в состав которого вошли полицейские на мотоциклах. Чтобы срочно поправить положение дел во втором по значимости городе страны – Трухильо, жители которого назвали уличное ограбление основным видом преступлений, совершаемых в этом городе, здесь было увеличено число полицейских. Кроме того, представительство ООН в Перу в рамках инициативы *Conjunto en Seguridad Humana* совместно с администрациями районов Эсперанса,

¹ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё; Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху; Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.

Флоренсия-де-Мора и Эль-Порвенир (все относятся к городу Трухильо) договорились о поддержке спортивных программ среди молодёжи. Целью данной программы, инициированной НКО DeportVida, является помочь подросткам, с тем чтобы они не примыкали к уличным бандам, а также сокращение числа жертв преступлений. В частности, спортивные секции в данных районах с высоким уровнем преступности должны получить в рамках программы новое снаряжение и привлечь профессиональных тренеров к работе с подростками. Данная программа проходит под патронажем пяти подразделений ООН, в числе которых Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC), Программы развития ООН (PNUD), Фонда ООН в области народонаселения (UNFPA), а также Панамериканской организации здравоохранения (OPS) и регионального представительства Управления ООН по вопросам разоружения (UNLIREC). Данная инициатива, в которой, по некоторым оценкам, примут участие 7,6 тыс. человек, будет реализовываться до марта 2017 г. [29]. Очевидно, однако, что эти и все другие методы подобного рода не способны обрубить корни организованной преступности, а следовательно, и обеспечить надёжную профилактику преступлений.

Для понимания всей сложности ситуации, сложившейся с оргпреступностью в Перу, важно учитывать и фактор коррупции «в верхах», чрезвычайно обострившийся летом 2015 г., когда «первая леди» Надин Эредиа попала в список лиц по делу о нелегальном финансировании возглавляемой ею Перуанской националистической партии. Это серьёзно поколебало в глазах людей имидж президента О. Умалы как «бескомпромиссного борца с коррупцией» и заставило их усомниться в способности государства переломить опасную тенденцию к росту преступности. Согласно данным *Amnesty International*, страна по этому показателю занимает 85 место в мире (индекс – 38), расположившись между Ямайкой и Филиппинами. Результаты опросов *Datum Internacional* показали, что в 2014 г. негативную оценку деятельности правительства О. Умалы по борьбе с проблемой оргпреступности дали 62 % опрошенных, а с коррупцией – 46 %. При этом 43 % респондентов отмечали, что глава государства не выполнил своих предвыборных обещаний [29].

Помимо ставших уже традиционными форм организованной преступности, в Перу начались и её новые тренды, такие как, например, кибермошенничество с использованием персональных данных владельцев кредитных карт. Данный вид преступлений, именуемый также «фишингом», представляет собой взлом электронной почты с целью завладения данными о кредитных картах и банковских счетах пользователя. К сожалению, подобные кибератаки в Перу стали распространены настолько, что в 2015 г. страна оказалась на восьмом месте в мире по данному показателю, что, в свою очередь, поставило под удар всех пользователей финансовой системы [29].

Так, в 2013 г. компания KasperskyLab, имеющая представительство в Перу, предупредила о появлении нового компьютерного вируса Jumcar. Его целью является кража персональных данных пользователей, которые используют банковские приложения во время выхода в Интернет. По мнению специалистов, эти вредоносные программы уже заразили множество компьютеров в Перу и Чили. При этом в докладе отмечалось, что «89 % кибератак происходят в Перу через клонирование “липовых” банковских приложений для Интернета» [31].

Трансграничное интернет-мошенничество осуществлялось не только через электронную почту, но также через телефонные звонки, в которых требовалось указать персональные данные. По данным экспертов, преступники записывают телефонные разговоры, после чего используют полученную информацию в своих целях [30]. Пользователь получал по электронной почте сообщение со ссылкой, которая при активации загружала вирус или другое вредоносное приложение, инфицирующее не только его компьютер, но и все, находящиеся поблизости [30]. Однажды установленные шпионские программы способны выискивать любую информацию пользователя, связанную с банковскими операциями, и, кроме того, они могут отправляться через личные сообщения в социальных сетях. В настоящее время в Перу отсутствует законодательная база для борьбы с противоправными действиями в Интернете, с течением времени и с развитием информационных технологий кибермошенники становятся всё изощрённее.

Как справедливо отметили эксперты Сетевого информационного центра стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Latin America and Caribbean Network Information Centre, LACNIC), пока можно говорить лишь о приблизительном экономическом ущербе от кибермошенничества в государствах ЛКА. Более точный анализ ситуации осложняется отсутствием доступа к достоверной информации, а также соответствующей методологии, необходимой для интерпретации преступлений, совершенных в Интернете [32, р. 4]. Однако по данным открытых источников, ежегодный ущерб от фишинга в регионе составляет примерно 26 млн долл.,

в то же время на долю направленных ИТ-атак приходится 24 млн. Общая же сумма ущерба от всех видов киберпреступлений в регионе может достигать 430 млн долл. [32].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что наркотрафик является вызовом как для Перу, так и для Эквадора. Несмотря на значительное сокращение площадей кустарника коки на перуанской территории, активность наркотрафикантов остаётся достаточно высокой. Также произошла смена ролей среди участников международной преступной логистической схемы, в которой на место колумбийских картелей пришли мексиканские Тихуана, Синалоа, Хуарес и др. Это подтверждает тот факт, что с данной проблемой невозможно справиться лишь силовыми методами. Необходимо также обмениваться разведанными с соседними государствами, для чего при участии Перу, Эквадора и Колумбии в 2012 г. была создана совместная комиссия по контролю за приграничными районами. Также недавнее внесение изменений в уголовный кодекс Эквадора в статьях, касающихся потребления наркотических средств и психотропных веществ, демонстрирует насущность дифференцированного подхода в зависимости от тяжести преступления.

Исследование проблематики борьбы с организованной преступностью – актуальная научная задача, мониторинг этой борьбы показывает, что она выходит на передний план не только в Андских странах, но и в Латинской Америке в целом, и в Испании, то есть во всем иberoамериканском мире [33].

Литература:

1. Libro Blanco de la Defensa Nacional del Perú. – Lima, 2005.
2. Kellerman, Tom. Personal Interview. Peruvian Alternative Development Program. U.S. Agency for International Development. 3 June 1997.
3. Las Condiciones de la Violencia en el Perú y Bolivia. – La Paz, 1990.
4. См: Sanchez J. M. Hatun Willakuy: Importancia del Relato en la Política (Comentarios al Informe Final de la Comisión de la Verdad y Reconciliación del Perú) // Nueva Sociedad, 2005, № 197.
5. См. подробнее: Атоян А. И., Атоян О. Н. Ультралевые. Опыт социального конфликта. – Луганск, 2001.
6. Атоян А. И., Атоян О. Н. Указ. соч.; См. также: Слинько А. А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (Политические процессы в Перу). – Воронеж, ВГУ, 2005.
7. Трансграничный терроризм: угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества. – М.: Hayka, 2006.
8. The Economist. 19–25.07.2003. P. 46.
9. Confirman ataque de Sendero Luminoso // El Nuevo Herald. Jueves 30 de abril del 2009.
10. Fuerzas Armadas y policía de Perú combaten a Sendero Luminoso. URL: <http://dialogo-americas.com/es/articles/rmisa/features/2015/11/11/feature-06> (дата обращения – 15.05.2016).
11. См.: UNODC. Peru Coca Survey. 2007. – New York, 2009.
12. La seguridad y defensa nacional es una responsabilidad de todos. URL: <http://www.sedena.gob.pe/prensa/2014/entrevista/peruano.html> (дата обращения – 20.12.2015).
13. Peru Coca Survey 2010. – Lima, 2011. P. 12–13.
14. Monitoreo de Cultivos de Coca en el Perú 2014. – Lima, 2015.
15. Hart M. T. The U.S. – Peruvian Relationship on Drug Control. Embassy of Perú: 1995. См. также: Транснациональный наркобизнес. Новая глобальная угроза. – М., 2002.
16. Транснациональный наркобизнес: Новая глобальная угроза. – М., 2002.
17. Monitoreo de Cultivos de Coca en el Perú. 2010. – Lima, 2011.
18. UNODC. Peru Coca Cultivation Survey. – New York, 2005.
19. Jabiles J. Human Trafficking and Corruption in Peru. Capital Humano y Social. Vienna, October 2014 URL: https://www.unodc.org/documents/NGO/Ppt_Joel_Jabiles.pdf (дата обращения – 02.09.2016).
20. Minería ilegal facturó US\$3,400 millones en siete años URL: <http://peru21.pe/economia/mineria-ilegal-ministerio-ambiente-lavado-activos-2197582> (дата обращения – 02.09.2016).
21. UNODC. World Drug Report 2015. – New York, 2015.
22. Monitoreo de Cultivos de Coca en el Perú 2014. – Lima, 2015.

23. Agenda Política de la Defensa 2014–2017.
24. Delincuencia es el tema que más preocupa a los peruanos. URL: <http://elcomercio.pe/lima/sucesos/delincuencia-tema-que-mas-preocupa-peruanos-noticia-893190> (дата обращения – 15.12.2016).
25. Ollanta Humala's rating falls URL: <http://www.peruthisweek.com/news-ollanta-humalas-rating-falls-107542> (дата обращения – 15.12.2015).
26. La delincuencia actual en el Perú. URL: <http://la-delincuencia-en-el-peru.blogspot.ru/2010/09/la-delincuencia-actual-en-el-peru.html> (дата обращения 8.12.2016).
27. Nueva unidad policial combatirá a los delincuentes que operan en vehículos motorizados. URL: <http://www.americatv.com.pe/noticias/actualidad/policia-nacional-peru-n205105>
28. Trujillo: ONU firma convenio para combatir la delincuencia. URL: <http://elcomercio.pe/peru/la-libertad/trujillo-onu-firma-convenio-combatir-delincuencia-noticia-1789353>
29. Gobierno de Ollanta Humala desaprobado en lucha contra la corrupción. URL: <http://peru21.pe/politica/pulso-peru-desaprueban-al-gobierno-lucha-contra-corrupcion-2206549>
30. Ciberdelitos más peligrosos amenazan a cuentas bancarias de los peruanos. URL: <http://aempresarial.com/web/informativo.php?id=31193>
31. Perú modificará la legislación para combatir ciberdelitos. URL: <http://diariocorreo.pe/politica/peru-modificara-la-legislacion-para-combatir-97133>
32. *Prandini P., Maggiore M. L.* Ciberdelitos en América Latina y el Caribe. Una visión desde la sociedad civil. LACNIC 2013.
33. См.: *Орлов А. А.* Историческая основа терроризма в Испании // Обозреватель – Observer. 2009. № 10 (237). С. 80–87; *Орлов А. А.* Терроризм в Испании: международный аспект // Обозреватель – Observer. 2009. № 11 (238). С. 65–73; *Орлов А. А.* Проблема терроризма в Испании на современном этапе // Обозреватель – Observer. 2009. № 12 (239). С. 55–61; *Орлов А. А.* Отказ ЭТА от «вооруженной борьбы»: конец терроризма в Испании или новая передышка? // Вестник МГИМО–Университета. – М.: Изд-во МГИМО–Университет, 2011. № 6 (21). С. 86–90; *Орлов А. А.* Глубинные исторические корни проблемы национализма и сепаратизма в современной Испании // Вестник МГИМО–Университета. – М.: Изд-во МГИМО–Университет, 2013. № 4 (31). С. 177–186; *Орлов А. А.* Национализм в Каталонии – фактор риска для Испании // Обозреватель – Observer. 2010. № 11 (250). С. 108–120.